
Б. И. ЯРХО

МЕТОДОЛОГИЯ
ТОЧНОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Избранные труды
по теории литературы

Издание подготовили
М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир

Под общей редакцией М. И. Шапира

«Языки славянских культур»

Москва 2006

ББК 81.2Р

Я 71

*Исследование подготовлено и осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проекты №№ 03-06-80098, 04-06-80293 и 04-06-87053)*

РФИ

Ярхо Б. И.

- Я 71 Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; Под общей ред. М. И. Шапира. — М.: Языки слав. культур, 2006. — xxxii, 927 с. — (Philologica russica et speculativa; Т. V).

ISBN 5-9551-0113-6

В издание входят три важнейших монографии одного из самых значительных филологов XX века. «Методология точного литературоведения», полностью публикуемая впервые, стала научным завещанием автора: в ней последовательно излагаются принципы и перспективы теоретического и исторического изучения литературы с помощью количественных методов. Две другие работы, демонстрирующие возможности заявленного подхода («Комедии и трагедии Корнеля», «Распределение речи в пятиактной трагедии»), разрабатывают теорию жанра и теорию литературных направлений на материале европейской драмы XVII—XIX веков. Издание снабжено обширным историко-научным аппаратом, включающим очерк жизни и творчества Б. И. Ярхо, комментарии, библиографии, указатели. В приложении помещено исследование М. И. Шапира о границах «точных методов» в гуманитарных науках.

Книга адресована специалистам по сравнительному литературоведению, лингвистической, исторической и теоретической поэтике, историкам театра, фольклористам, стиховедам, а также всем, кто интересуется логикой и методологией науки.

ББК 81.2Р

© Языки славянских культур, 2006
© Philologica, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	v
<i>M. В. Акимова, М. И. Шапир</i>	
Борис Исаакович Ярхो и стратегия «точного литературоведения»	vii

Методология точного литературоведения

Предисловие к «Методологии точного литературоведения»	3
Методология точного литературоведения: Набросок плана	6
Добавления и замечания к наброску «Методологии точного литературоведения»	350
Указатель важнейших рабочих понятий	391
Указатель экземплификационного материала	397

Труды по теории и истории драмы

Комедии и трагедии Корнеля (Этюд по теории жанра)	403
Распределение речи в пятиактной трагедии (К вопросу о классицизме и романтизме)	550

Содержание

Приложения

(М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир)

Комментарии	611
Библиография	808
Опубликованные труды Б. И. Ярхо (1910—2005)	844
Рецензии на труды Б. И. Ярхо (1923—1937)	869

Вместо послесловия

М. И. Шапир

«Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках	875
--	------------

Именной указатель	906
--------------------------	------------

ОТ РЕДАКТОРА

Борис Исаакович Ярх (1889—1942) был одним из самых значительных филологов минувшего столетия. Переоценить масштаб его идей и открытий практически невозможно. Тем не менее он малоизвестен, и его влияние на современную гуманитарную мысль ничтожно: даже среди тех, «кому ведать надлежит», самое имя его знают далеко не все, труды его читали немногие, а начатое им дело худо-бедно продолжают и вовсе считанные единицы. Посмертная судьба этого крупнейшего ученого опровергает расхожие представления о «торжестве исторической справедливости»: никакая одаренность, никакая работоспособность, никакая преданность науке не в состоянии сами по себе, без учета «привходящих обстоятельств», обеспечить филологу должное внимание со стороны коллег. Разумеется, в первую очередь это говорит об уровне нынешней филологии. Титанические усилия Б. И. Ярх были направлены на то, чтобы превратить ее в «нормальную» науку, по уровню точности и доказательности не уступающую наукам естественным. Не все в этой грандиозной программе исследований кажется одинаково перспективным. Однако нам ли превзойти добросовестные заблуждения позитивиста? Мы до них еще не доросли. Идеал научности, самоочевидный во времена Ярх, потерял свою привлекательность для подавляющего большинства гуманитариев: сегодня господствующей идеологией в этой области является солипсизм. А так как научное знание, ограниченное по своей природе, добывается с трудом и сообща, почти полное отсутствие последователей может в конечном итоге обессмыслить дело всей жизни ученого.

От редактора

Как бы то ни было, сегодня Ярхо полу забыт. И столько же следствие этого, сколько причина — в том, что многие его работы, в том числе основополагающие, не опубликованы по сей день, хотя со временем их создания прошло уже семь десятилетий. Наиболее важные теоретико-методологические труды ученого впервые собраны в этой книге — остается лишь надеяться, что с ее выходом положение дел изменится к лучшему. Основу издания составила «Методология научного литературоведения», ранее известная читателям только в отрывках и пересказе. В один раздел с ней помещены пронзительное предисловие к этой монографии, которое автор по pragmatическим соображениям исключил из ее окончательного текста, а кроме того, «Добавления» к «Методологии» и указатели к ней, подготовленные самим Ярхо. Во второй раздел включены две работы по теории и истории драмы. Они демонстрируют эффективность заявленного подхода не только для анализа литературы, но также для синхронического и диахронического синтеза, и не только в изучении поверхностных структур, относящихся к области «фоники», но и при решении вопросов поэтики жанра и литературного направления.

Работа над этим изданием была бы затруднена без щедрой помощи и поддержки со стороны коллег. Мы обязаны сердечной признательностью М. Л. Андрееву, С. Г. Болотову, О. А. Буковецкой, А. В. Величко, К. В. Вигурскому, А. А. Добрицыну, Ч. Дрейджу, Т. П. Злыденевой, Вяч. Вс. Иванову, М. С. Касьян, Т. М. Левиной, А. М. Леонтовичу, С. Е. Ляпину, Н. Р. Малиновской, А. Д. Михайлову, Е. Д. Мурашкинцевой, С. Петровичу (†), А. В. Подосинову, А. А. Полилову, М. Ю. Реутину, О. Э. Ронену, О. С. Северцевой, М. Б. Севрюку, О. А. Смирницкой, В. В. Файеру, Т. В. Цивьян, А. В. Циммерлингу, М. Г. Шторх. Особо должно быть названо имя М. Л. Гаспарова: он, как никто другой, способствовал возвращению в науку обширного наследия автора «Методологии точного литературоведения», но, к сожалению, не успел дожить до ее выхода в свет. Свою работу по подготовке к печати и комментированию трудов Ярхо мы посвящаем светлой памяти нашего замечательного предшественника.

БОРИС ИСААКОВИЧ ЯРХО И СТРАТЕГИЯ «ТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ»

*

М. В. Акимова, М. И. Шапир

«Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков» (Ярхо 1924: 12). Этими словами Б. И. Ярхо начал предисловие к русскому переводу «Сатирикона». Он знал, о чем говорил, ибо сам чувствовал, как превращается в «культурное ископаемое».

И не удивительно. Ведь он был филолог-энциклопедист, а это в XX веке — диковина не для одной Советской России. Круг интересов ученого был исключительно широк. В самом деле, Ярхо — не только античник; он крупнейший медиевист, плодотворно изучавший романскую, германскую и славянскую средневековую словесность, в том числе древнерусскую. К тому же, наряду с древней и средней, Ярхо много занимался новой европейской литературой, а также современным русским, славянским, немецким и испанским фольклором. Но главное, Ярхо был глубоким и оригинальным теоретиком, сумевшим значительно продвинуть методологию литературоведения, историческую поэтику, стилистику и стиховедение.

Специфичной для Советской России была не маргинальность филологического энциклопедизма, а отношение к нему властей: беда не в том, что Ярхо ощущал себя кем-то вроде «ацтека», а в том, что этого «ацтека» не хотели никому «показывать». В октябре 1939 г., вернувшись из омской ссылки, Ярхо обратился в Наркомпрос с просьбой предоставить ему работу по специальности: «Охотнее всего, — писал он, — я принял бы участие в работах какого-нибудь Научно-исследовательского института, где я мог бы вести занятия:

1. По литературе средних веков:
 - а) по средне-латинской¹, старо-французской, провансальской, древне(-) и средне-немецкой, англо-саксонской и старо-скандинавской литературам;
 - б) по средневековой эпической, драматической и лирической поэзии.
2. По стилистике (общей и русской).
3. По метрике (особ(енно) по теории русского стиха).
4. По поэтике.
5. По русскому фольклору.
6. По славянскому фольклору (особ(енно) сербскому).
7. По сербскому языку и л(итерату)ре (особ(енно) по дубровницкой поэзии).
8. По истории и теории драмы.

Кроме того, я перевожу приблизительно с 20 (новых и старых) славянских, германских и романских языков.

Как сказано, меня больше всего привлекает научно-исследовательская деятельность, но, конечно, я не откажусь ни от какой другой работы, соответствующей моей специальности и квалификации². Однако это письмо, равно как и заявление в Отдел печати при ЦК ВКП(б) от 8 июня 1938 г.³, не возымело желаемого результата: Ярхो ответили, что работы по его специальности «не имеется».

Когда уже умер Сталин, в апреле 1953 г., через несколько дней после того, как были освобождены все арестованные по «делу врачей», а в «Правде» сообщалось, что «честный общественный деятель» Михоэлс «был оклеветан»⁴, родной брат Ярхо, Григорий Исаакович, просил В. В. Виноградова, тогда академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР, разрешить публикацию хотя бы некоторых фундаментальных трудов ученого. Г. И. Ярхо предложил Виноградову на выбор двенадцать рукописей, среди которых были перевод «Песни о моем Сиде», сопровождавшийся обширным филологическим исследованием, статьи «Старицанский эпический стих» и «Так называемые трохаические тетраметры в каролингских ритмах», антология поэзии Каролингского возрождения и антология средневековых латинских видений (обе с обстоятельными комментариями), диссертация на немецком языке о рифмованной прозе драм Хротсвиты Гандергеймской («Die Reimprosa der Hrotsvitadramen») и фундаментальная монография «Методология точного литературоведения». Всё было полностью отвергнуто, и ничто из перечисленного не опубликовано до сих пор⁵.

Примечательно, что две из представленных работ — о распределении речи в пятиактной трагедии и о рифмованной прозе русских интермедий и интерлюдий (см. Ярхо 1968; 1997) — Виноградов, умывая руки, передал на отзыв М. П. Штокмару, старшему научному сотруднику ИМЛИ АН СССР, а в прошлом аспиранту Ярхо. «Оберегая память покойного исследователя», бывший ученик дал сугубо отрицательное заключение: он рекомендовал «воздержаться» от опубликования работ Ярхо, которые, по мнению рецензента, «более похожи на бухгалтерский отчет, чем на исследование о литературе» (Штокмар 1997: 286, 287). В обоснование своей позиции Штокмар указал на два недостатка научного метода Ярхо: для исследователя это работы крайне трудоемкие, а для читателя — плохо воспринимаемые. Но вышло так, что рядовое суждение о сложности метода, не раз высказывавшееся при жизни самим его родоначальником, под пером Штокмара превратилось в приговор всему научному наследию Ярхо. Время для издания его трудов, наиболее благоприятное с точки зрения возможного резонанса, оказалось невозвратно упущенено. Малочисленные публикации, тяжело пробивавшие себе дорогу в печать с конца 1960-х годов, уже не могли кардинальным образом повлиять на ситуацию: увлечение точными методами в филологии всё больше становилось достоянием прошлого.

* * *

Борис Исаакович Ярхо родился 14 (26) марта 1889 г. в Москве в семье известного врача. В детстве, вместе с родителями и братом Григорием, будущим переводчиком классической французской литературы, он много путешествовал по Европе — впервые Ярхо оказался за границей в возрасте пяти лет⁶. В 1907 г. он с серебряной медалью окончил Первую Московскую гимназию, в 1912-м — историко-филологический факультет Московского университета (с дипломом I степени). Продолжил обучение в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Самостоятельной научной работой Ярхо стал заниматься еще со студенческой скамьи: уже в 1910 г. он опубликовал свою первую статью (см. Ярхо 1910), прежде доложенную в возглавляемемся акад. В. Ф. Миллером Этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЭО: 259). Другое исследование, подготовленное в годы студенчества, но опубликованное позже, —

«Царлун Риен, поэт-крестьянин» (см. Ярхо 1915). Это педантичное описание творчества одного провансальского земледельца, сочинявшего на нижнеронском диалекте (Ярхо лично познакомился с поэтом в Провансе летом 1909 г.).

Наиболее заметное из ранних исследований Ярхо — это «Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе (Опыт по динамике цикла Сигурда)» (см. Ярхо 1913/1916). Название работы, композиция, манера изложения, не жертвуя щего мельчайшими подробностями средневековой эпики, выдают ученика школы акад. А. Н. Веселовского. После выхода исследования в свет Ярхо сдал магистерские экзамены. Он служил сначала приват-доцентом (1915—1918), а затем профессором (1918—1921) Московского университета по кафедре западно-европейских литератур. Вот лишь некоторые лекционные темы Ярхо: «Древне-верхненемецкий язык», «Латинская средневековая литература», «Немецкая средневековая литература», «Нечистая сила в немецкой литературе до 1487 г.», «Староскандинавская поэзия», «Поэзия скальдов», «Песни Эдды», «Сказания о Роланде, о Сиде и об Илье Муромце в средние века», «Французский комический театр», «Сербский эпос». Материал для лекций Ярхо часто привозил из-за границы: в 1910—1913 и 1920—1921 гг. ученый работал в библиотеках Франции, Германии, Австрии, Польши, Черногории, Чехословакии. Многие его тогдашние занятия вылились в статьи, монографии и сборники переводов, но опубликована была только малая часть (см. Ярхо 1917; 1926; Jarcho 1928b; Шор 1936: 3—7, 32—39; Пуришев, Шор 1953: 13—20; ср. ПСЛЛ₁: 333—343; ПСЛЛ₂: 83—87; Грибанов 1989: 21—55). В Черногории Ярхо занялся ритмикой латинской рифмованной прозы; это исследование впоследствии вылилось в диссертацию о драмах Хротсвиты Гандергеймской, которую Ярхо так и не довелось опубликовать⁷. После неудачных попыток обосноваться в Праге либо получить место в одном из германских университетов (см. Trubetzkoy 1975: 31—32, 35—36) ученый был вынужден вернуться на родину⁸. О некоторых научных результатах своих зарубежных штудий Ярхо рассказал на заседаниях Московского лингвистического кружка, членом которого он был по предложению Р. О. Якобсона единогласно избран 21 июня 1919 г.⁹ и в работе которого принимал деятельное участие почти до самого запрещения кружка в 1924 г. (Шапир 1994: 191—192; 2001: 459; Баранкова 1999: 364, 374, 376 и др.; а также Ильина 2000: 79—80, 160 примеч. 56, 206).

В начале 1920-х годов новые веяния коснулись Московского университета. Ранней весной 1921 г. историко-филологический факультет был фактически уничтожен: в реорганизованном виде он влился в состав факультета общественных наук. Бывший ректор, проф. М. М. Новиков, в августе 1922 г. был отстранен от работы и выслан в Германию. В том же году Ярхо уволился из университета и в октябре поступил на работу в Российскую академию художественных наук (РАХН, позднее ГАХН)¹⁰. Вплоть до ликвидации академии в ноябре 1930 г. он заведовал комиссией техники художественного перевода, а потом еще кабинетом теоретической поэтики и подсекцией всеобщей литературы, состоя, помимо того, в фольклорной и театральной секциях. Ученый редко пропускал заседания и сделал за время работы в ГАХН свыше 20 докладов, из которых ни один даже частично не повторял другого. Одновременно (в 1923—1928 гг.) Ярхо был действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1926 г. он был избран действительным членом Американской академии средних веков (Mediaeval Academy of America, Cambridge, Mass.), о чем напоминают публикации Ярхо в печатном органе МАА (см. Jarcho 1927; 1928a).

Именно в 1920-е годы Ярхо заложил теоретические основы «точного литературоведения», принципы которого последовательно отстаивал в полемике с идеологическими и научными противниками. Одним из главных его оппонентов в это время был Г. Г. Шпет, крупный философ феноменологического направления и вице-президент ГАХН. Яркой страницей в истории академии стали их параллельные выступления на одну и ту же тему — «О границах научного литературоведения»¹¹. Ярхо сузил предмет науки о литературе, включив в него «1) идею (в ограничении от философии), 2) эмоции (в ограничении от психологии), 3) образы (в ограничении от социальных и естественных наук), 4) грамматические формы (ограничивая стилистику от языкоznания) и 5) звук (ограничивая фонику от музыки, декламации и языкоznания)»¹². Шпет, считавший методологию вотчиной философии и не нашедший у Ярхо «логического анализа основных понятий литературоведения», полагал, что эмпирический метод нельзя предпочитать всем остальным, так как «в целом литературного произведения всегда есть нечто творчески новое, неуловимое в границах аналитического исследования составных частей»¹³. В интереснейшей дискуссии, растянувшейся на четыре заседания (24 и 31 октября, 24 ноября и 1 декабря 1924 г.), приняли участие многие видные филологи и филосо-

фы (см. Кенигсберг 1994: 175 примеч. 8; Шапир 1994: 200 примеч. 19; Полева 2000: 12; Северцева 2000а: 179; Тренин 2000: 258) ¹⁴.

Методологически очень важным был также другой программный доклад Ярхо — «Несколько статистических приемов литературного синтеза» (ГАХН, 3 марта 1928 г.) ¹⁵. Ученый предложил наиболее продуктивную, на его взгляд, методику изучения литературы: микроанализ признаков, значимых для звуковой, стилистической или иконической структуры текста, должен быть дополнен их количественным «взвешиванием» по правилам вариационной статистики. Некоторые коллеги отнеслись к этому настороженно. В частности, В. М. Жирмунский и М. А. Петровский, ничего не имея против статистики как таковой, предупреждали, что иногда она искажает реальную картину; кроме того, не всё поддается количественному измерению ¹⁶.

Возможности метода призвано было продемонстрировать коллективное исследование фигур повтора и синтаксиса в русских, немецких и испанских частушках. Результаты работы, о которых Ярхо докладывал в ГАХН 2 апреля, 28 мая и 20 декабря 1929 г., не оставляли сомнения в том, что взаимозависимость между звуком, стилем и смыслом в поэзии существует: если строки не связаны рифмой, в них чаще появляются фигуры повтора и они теснее связаны синтаксически ¹⁷. Ярхо считал этот вывод настолько значимым, что, когда в 1935 г. ему удалось напечатать работу о частушке по-немецки, он добавил к ней следующий постскрипту: «(...) bitten wir den vorliegenden kleinen Aufsatz als einen winzigen Baustein zum mächtigen Gebäude einer exakten Literaturwissenschaft aufzufassen» = «(...) просим рассматривать данную статью как крошечный камешек в основании огромного здания точного литературоведения» (Jarcho 1935: 64).

22 ноября 1929 г. было принято зловещее постановление «подкомиссии экономической комиссии ГАХН по проведению социалистического соревнования»: «Принять меры к максимальной марксизации работы в теоретических ячейках ГАХН путем 1) разоблачения антимарксистских выступлений в искусствоведении и активной борьбы с ними; 2) выделения актуальных проблем марксистского искусствознания (...) 3) направления работы немарксистов в плане максимального обслуживания марксистского искусствознания данными этой работы» ¹⁸. На эту меру по реорганизации академии, ставшую предзнаменованием ее полного и скорейшего уничтожения, Ярхо как председатель кабинета теоретической поэтики ответил с упорством подлинного ученого. 7 декабря 1929 г. он предложил «Проект органи-

Борис Исаакович Ярхо и стратегия «точного литературоведения»

зации Литературно-статистического кабинета при Литературной Секции». В проекте говорилось, что кабинет будет переименован «в целях уточнения названия», а «задачи и характер работы не изменятся»:

- «1. В основу работ Кабинета положены следующие принципы:
 - а) Литературный объект составлен из фактов, соотношений и процессов.
 - б) Литературные комплексы определяются не только наличием, но и пропорциями признаков.
 - в) Изменение литературы во времени основано преимущественно на смене этих пропорций.
 - г) Литературные соотношения и процессы могут быть выражены в числовых показателях, составляющих ряды, подобные рядам биологической изменчивости.
2. Основной задачей Кабинета является приложение к Литературоведению методов Вариационной статистики.
3. Кабинет не занимается описанием литературных форм. Факты, добытые „описательной поэтикой“⟨,⟩ лишь кладутся в основу изучения соотношений и процессов.
4. Исследуя и статистические отношения, и динамику развития литературных форм, Кабинет работает одновременно и в теоретическом, и в историческом разрезе (...). Поэтому работа Кабинета не укладывается в рамки ни Исторической, ни Теоретической Подсекции»¹⁹.

Нетрудно заметить, что новый план работы никак не учитывал рекомендаций экономической комиссии и вовсе не обнаруживал лояльности по отношению к марксистской идеологии.

Когда Государственную академию художественных наук расформировали, у Ярхо почти не осталось возможностей для реализации своих исследовательских и педагогических планов, для публикации готовых или запланированных работ. В каких условиях оказался учёный теперь, станет ясно, если учесть, что и в самые «комфортные» годы ему удавалось печататься, главным образом, в изданиях ГАХН — в журнале «Искусство» и сборниках «Ars Poetica»²⁰. При этом те немногие работы, что всё-таки пробились к читателю, были встречены в штыки и «слева», и «справа»: как представителями марксистского литературоведения (Лебедев-Полянский 1927: 120—122, 125—131; Прозоров 1927; Эльсберг 1927; Якобсон 1927: 196—197), так и филологами опоязовской выучки (Степанов 1927: 159)²¹. Единственный сочувственный отзыв, напечатанный в журнале украинской литературной ассоциации, принадлежал перу В. Н. Державина, который приветствовал «подход к проблеме формы не „сверху“ (от философии), а „снизу“ (от филологии)» (Державін 1927: 234).

Ярхо был отличным преподавателем. Широчайшая образованность, которая простиралась далеко за пределы филологии, сверхъестественная память и жесткая дисциплина мысли позволяли ему делать материал удобным для восприятия, излагать его просто и системно. Обладавший всеми задатками идеального научного руководителя, Ярхо мечтал создать Институт точного литературоведения, которому грозился обеспечить работу «на сто лет» (Ярхо 1990: 73; Шапир 1990: 285), — а был вынужден обучать студентов немецкому языку. В 1926—1928 гг. Ярхо заведовал кафедрой теории стиха на Высших государственных литературных курсах. В 1926—1930 гг. он преподавал на Высших курсах иностранных языков, в 1929—1930 гг. — на Высших курсах новых языков при 2-м МГУ, с 1930-го по 1933 г. был нештатным, а затем штатным профессором немецкого и переводческого отделений в Московском институте новых языков (1 сентября 1933 г. уволен в связи с реорганизацией)²².

Еще одна сфера приложения творческих талантов Ярхо — это художественный перевод (в 1933—1935 гг. он стал для него почти единственным источником дохода). В 1926—1929 гг. Ярхо — член квалификационной комиссии Московской Ассоциации Переводчиков, в 1929—1933 гг. — член бюро секции переводчиков и председатель квалификационной комиссии Федерации объединенных советских писателей. В 1933—1935 гг. Ярхо был председателем комиссии творческого учета и заведующим подготовкой переводческих кадров в Союзе советских писателей; тогда же он служил редактором отдела в издательстве «Academia». Среди переводов Ярхо значатся «Сага о Волсунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», антология «Поэзия 1-го Возрождения», сборник «Стол новых новелл», сборник «Средневековые латинские видения» (последние три книги опубликованы лишь частично), комедии Мольера, лирика Гёте и его поэма «Рейнеке-лис», «Дон Карлос» Шиллера, «Мюнхгаузен» Иммерманна и т. д. (см. Иммерман 1931—1932; Гете 1932, I: 115—119, 122—129, 132, 148—149, 164, 216—221, 325—328; II: 73—76, 343—474; Ярхо 1934а; 1934б; Мольер 1934; 1935: 385—428; 1937: 213—270, 587—636; Шор 1936: 3—7, 19—23, 30—39, 41—44, 114, 291—293, 350—352, 361—390, 478—480; Шиллер 1937: 5—279; Пуришев 1938: 221—225, 275—279, 461—466, 603—605; 1940: 18—21, 30—33, 303—308, 313—322, 324, 333—336, 626—631, 649—657; Пуришев, Шор 1953: 13—21, 470—474; Смирнов 1959; ПСЛЛ: 193—195, 258—260, 262—265, 270—276, 280—284, 324—328, 330, 333—343, 345—

346, 348—357, 368—369, 404—408, 409—414; ПСЛЛ₂: 83—87, 111—115; Михайлов 1990: 38—54; Авсоний 1993: 228—232; и др.)²³.

Блистательный филолог, выдающийся переводчик, Ярхо писал также оригинальные художественные произведения: стихи, прозу, пьесы. Эти разные стороны деятельности не существовали у него отдельно друг от друга, но пересекались и накладывались, образуя неразрывное единство. Переводы требовали глубоких познаний в области истории литературы и исторической поэтики, а оригинальные произведения обнаруживали у Ярхо, в первую очередь, незаурядный талант стилизатора, нередко бравшего из «всеобщей литературы» темы, сюжеты, стиль, но создававшего на этой основе нечто совершенно индивидуальное и органическое. Такова, скажем, его драма «Расколотые», написанная перед самой смертью, — в ней варьируются мотивы и формы латинской и провансальской средневековой словесности, изучению которой Ярхо отдал не один год жизни (см. Ярхо 1996; Гаспаров 1996).

Представление о широте и взаимосвязи интересов Ярхо — ученого, поэта и переводчика дает цикл «Poetae — poetae» (1925)²⁴. Это собрание пародий-панегириков, адресованных М. А. Волошину по случаю 30-летия со дня его первого выступления в печати (1895). Десять московских поэтов и литераторов поздравили своего коктебельского собрата от лица пятидесяти «классиков» мировой литературы — начиная с Пентаура, переписчика знаменитой древнеегипетской поэмы, излагающей историю царствования Рамсеса II, и кончая посланием Волошину от лица самого Волошина. Показательно, что из 50 пародий Ярхо написал 10 — больше, чем кто бы то ни было другой. Свои поздравления он сочинил в стилистике древнеиндийской (5 шлок «Гуру-Максимилиану от Калидасы»), древнегреческой (4 сафических строфы от имени Сафо), древнеисландской (от Эгиля Скаллагримсона, самого знаменитого из скальдов; написано аллигационным тоническим стихом с чередованием длинных и коротких строк). Далее следовали подражания провансальским трубадурям (однорифменные терцеты Гильена IX Аквитанского) и немецким миннезингерам (полиметрическая композиция «Долг Тангейзера», состоящая из сдвоенных 4-стопных ямбов парной рифмовки и 4- и 3-стопных хореев, рифмующихся перекрестно). Кроме того, Волошина приветствовали Ганс Сакс («Благочестивый шпух о мейстере Максимилиане, старшине препохвального цеха стиходелателей и гражданине этого доброго города»), Шекспир (разумеется, белым 5-стопным бесцензурным ямбом) и Вук Караджич

(«Бугаршица: Брату Соколу Волошину от Вука Караджича»; силлабическим стихом с правильным чередованием 7-, 8- и 6-сложных отрезков). Отечественная словесность под пером Ярхо оказалась представленной церковнославянской силлабикой Симеона Полоцкого и сдвоенными пятисложниками Спиридона Дрожжина («От группы поэтов-народников благородному деятелю на поприще отечественной словесности Максимилиану Александровичу Кириенко-Волошину» — «За всю артель расписался Спиридон Дрожжин») ²⁵.

В ночь с 14 на 15 марта 1935 г. Ярхо арестовали по делу о «немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР», которое неофициально называют также «делом немцев-словарников» ²⁶. 10 ноября особым совещанием НКВД СССР он был осужден по статье 58-10 УК и приговорен к ссылке на три года, которую отбывал в Омске. Освобожден 26 марта 1938 г. по истечении срока наказания. Возвратившись из ссылки, Ярхо, по его словам, был вынужден чуть не наугад искать город на карте СССР, чтобы там поселиться, ибо въезд в Москву и Ленинград был ему запрещен ²⁷. Некоторое время он жил в подмосковных Старках на даче Шервинских, затем пытался найти квартиру в Малом Ярославце, в Ржеве, в Можайске и наконец поселился в Александрове (ныне город во Владимирской области). В 1938—1939 гг. ученый оставался практически без работы. Лишь в самом конце декабря 1939 г., после повторного обращения в Наркомпрос, ему предложили место в ново созданном Курском пединституте, где с 7 февраля 1940 г. Ярхо исполнял обязанности профессора по кафедре всеобщей литературы. Опираясь на блестящие отзывы Н. К. Гудзия, В. М. Жирмунского, Ю. М. Соколова и В. Ф. Шишмарева, 22 сентября 1940 г. кафедра ходатайствовала о присуждении Ярхо ученой степени доктора филологических наук. 20 июня 1941 г., прямо перед началом войны, решением Ученого совета Ленинградского государственного университета Ярхо был удостоен докторской степени honoris causa (за «Рифмованную прозу драм Хротсвиты» и «Методологию точного литературоведения»). Однако это решение ВАК не успел утвердить ²⁸.

В октябре 1941 г. вместе с Курским пединститутом Ярхо эвакуировался в Сарапул. 15 ноября институт закрыли. В комнате площадью 6 квадратных метров ученый пережил зиму, не имея почти никакой теплой одежды и довольствуясь крайне скучным обедом. Но даже эта «конура» была лучше тех условий, в каких оказались его родные. Тем не менее

Ярхо очень хотел переехать к матери и брату в Самарканд: «⟨...⟩ я смертельно страдаю от одиночества, заброшенности, дикого, грубого окружения. Мне нужно (после семилетних скитаний) немного тепла, немного внимания ко мне. Вот единственное, о чем я прошу. Если меня в Самарканде ждет такой же прием, какой я встретил, вернувшись из Сибири, то это будет для меня ⟨...⟩ разочарованием, которое повергнет меня в окончательное отчаяние»²⁹. «Надеюсь, — втолковывал Ярхо брату в другом письме, — ты за эти годы понял, что все блага, которыми мы пользовались, исходили вовсе не от моих заработков, а, в конечном счете, именно от этой высшей умственной деятельности, которую вы с мамой так презирали за ее непрактичность и оторванность от жизни»³⁰.

Ярхо получил командировку в Ташкент с разрешением ехать в любое время, но воспользоваться им не смог. Ученый страдал от развивающегося миллиарного туберкулеза. Состояние его здоровья стремительно ухудшалось, и он решил отложить отъезд до весны: «У меня такая болезнь, что я теряю в день больше жидкости, чем принимаю; проще сказать, я весь высох, как Кумская Сивилла»³¹. Несмотря на тяжелую болезнь, Ярхо сохранял поразительную ясность ума и работоспособность: «Мне кажется, что я могу написать бесконечно много... Обидно погибать в самом расцвете умственной потенции... Но выхода не вижу»³².

Он умер 3 мая 1942 г. Единственный некролог появился через десять дней в сарапульской газете «Красное Прикамье»³³.

* * *

Ярхо оставил обширное научное наследие. Часть его увидела свет, но объем неопубликованных рукописей всё еще превышает 110 авторских листов. Самый значительный труд, который по-прежнему ждет читателя, — это фундаментальная «Методология точного литературоведения», ставшая своего рода научным завещанием Ярхо (из нее пока изданы лишь фрагменты; см. Ярхо 1969; 1976; 1984; 1990; 2002; Yarkho 1977). Книга подвела итог 25-летним поискам исследователя в области литературоведческой методики и методологии. Первый вариант монографии, начатой в лагере 17 августа 1935 г., был готов уже через полтора месяца, 7 октября (Ярхо находился еще в предварительном заключении). Дата окончания беловой рукописи — 16 марта 1936 г. (в это время ученый отбывал омскую ссылку). Но работа над «Методологией» не закончилась: дополнения и уточ-